

© 2023. С. С. Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
г. Новосибирск, Россия

«Благословенная Германия» между *emotio et ratio*: новые аспекты немецкой пространственной образности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча

Аннотация: В статье рассматривается репрезентация пространства Германии в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча. Данный текст сопоставлен как с другими травелогами автора, посвященными путешествиям по немецким землям, так и с традицией изображения Германии в русской словесности конца XVIII – первой половины XIX вв. Выявлена тесная связь пространственной образности в произведении Греча с сентименталистским мирообразом Германии. В соответствии с этим мирообразом немецкие земли маркированы в основном идиллическими чертами. Рассмотрен ряд мотивов, связанных с локусами идиллии в травелогe Греча. Особое значение для изображения «благословенной Германии» имеет мотив сакральности немецкого пространства. В связи с этим установлена оппозиция «священная, законопослушная, мирная Германия — оскверненная, беззаконная, буйная Франция».

Ключевые слова: Н. И. Греч, травелог, мирообраз, Германия, имагология, лиминальное пространство, идиллия, рациональность, мотив, русская литература.

Информация об авторе: Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, ул. Плехотного, д. 10, 630108 г. Новосибирск, Россия,

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 21.05.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 06.07.2023

Дата публикации статьи: 25.09.2023

Для цитирования: Жданов С. С. «Благословенная Германия» между *emotio et ratio*: новые аспекты немецкой пространственной образности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 24–59. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-24-59>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 24–59. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 24–59. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. **Sergey S. Zhdanov**

Siberian State University of Geosystems and Technologies
Novosibirsk, Russia

“The Blessed Germany” Between Emotio et Ratio: New Aspects of German Space Imagery in “Travel Letters from England, Germany and France” by N. I. Gretch

Abstract: The paper deals with the representation of the German space in “Travel letters from England, Germany and France” by N. I. Gretch. This text is compared as well as with author’s other travelogues dedicated to traveling through German lands as well as with the tradition of describing Germany in Russian literature in the end of the 18th – the first half of the 19th centuries. The article reveals the close connection of the spatial imagery in the Gretch’s work with the sentimentalism world-image of Germany. In accordance with this world-image, German lands are marked mainly with idyllic features. Idyllic loci in the Gretch’s travelogue are connected with a number of motifs, such as motifs of orderliness, coziness, visual attractiveness, abundance, vitality, purity, peacefulness, silence, justice, contentment, brightness, closeness, patriarchy, achrony, miniaturization. The motif of sacredness of German space is of particular importance for representing the “blessed Germany” in the text. This allows to set the opposition “sacred, law-abiding, peaceful Germany – desecrated, lawless, violent France.”

Keywords: N. I. Gretch, travelogue, world-image, Germany, imagology, liminal space, idyll, rationality, motif, Russian literature.

Information about the author: Sergey S. Zhdanov, DSc in Philology, Associate Professor, Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10 Plakhotnogo St., 630108 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Received: May 25, 2023

Approved after reviewing: July 06, 2023

Published: September 25, 2023

For citation: Zhdanov S. S. “The Blessed Germany’ Between Emotio et Ratio: New Aspects of German Space Imagery in ‘Travel Letters from England, Germany and France’ by N. I. Gretch.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 3, 2023, pp. 24–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-24-59>

Травелогги представляют собой бесценный исследовательский материал для литературоведческой имагологии, поскольку фиксируемое в них пространство не нейтрально, но всякий раз оценивается через призму оппозиции «Свое — Чужое». Одним из таких весьма значимых для русской культуры (и литературы, в частности) локальных репрезентаций Чужого является пространство Германии, описание которого встречается во множестве травелогов последних трех столетий, характеризующих активным диалогом культур России и условного Запада.

В плане восприятия немецкого как Чужого значительный интерес для литературоведческой имагологии представляют тексты Н. И. Греча, который, несколько раз бывав в Германии, неоднократно описывал увиденное и услышанное, в то же время опираясь на традицию репрезентации пространства Германии, складывавшуюся в конце XVIII – начале XIX вв. в отечественной словесности. В рамках нашей работы материалом исследования служит гречевский текст «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» о путешествии автора в 1837 г.

Разумеется, степень чужести немецкого начала для автора является не абсолютной, а относительной, по следующим соображениям: во-первых, немцы в XIX веке — одна из самых «близких» наций для русской культуры, в ней немецкий культурный код подвергся значительной рецепции, и немцы считаются до некоторой степени «своими»; во-вторых, лютеранину Гречу, который хорошо владел немецким языком, имел дружеские и родственные связи с Германией и чьим предком был выходец из Пруссии, немецкая культура не могла быть вполне чужой; наконец, факт неоднократного посещения писателем Германии, отраженный в различных текстах, свидетельствует о серьезном освоении писателем инокультурного элемента к моменту создания путевых писем 1837 г.

В то же время, как нам представляется, Греч при конструировании образа имагинально-географической Германии акцентирует в нарративе травелогов свою русскость, посещает «русские» места в Германии, напри-

мер, отмечает связь Любека с новгородцами, которых называет «нашими бородачами»¹ [Греч 1838: 247], или при описании Дрездена большее внимание уделяет не характеристикам местных культурных сокровищ, а Петру I [Греч 1839. Ч. 2: 245–246], о чем будет сказано ниже, а также русачествует, защищая перед немцами достоинства России, подобно карамзинскому русскому путешественнику, который, несмотря на весь европейский просвещенческий космополитизм, всячески подчеркивает свою русскость. В этом смысле лютеранство Греча, на наш взгляд, не является принципиальным для нарратива путевых писем, поскольку он апеллирует к чувствам и представлениям русской читательской аудитории. Так, согласно автору, именно «музыка Православной Церкви есть истинно духовная» [Греч 1839. Ч. 2: 239]. В письмах 1835 г. Греч сожалеет, что не сумел осмотреть русскую церковь в Потсдаме: «Мы хотели зайти в русскую церковь, прекрасное здание на возвышении, но она была закрыта...» [Греч 1838: 355]. В тексте 1837 г. автор особо отмечает похожесть одной баварской церкви на русскую, т. е. православную: «Здесь удивила меня приятным образом колокольня: дотоле на всех церквях Германии видел я башни пирамидальные, островерхие: в первый раз показалась маковка, наподобие наших; она обита жемчугом и ярко отражала вечерние лучи солнца» [Греч 1839. Ч. 3: 26].

Далее, следует отметить, что травелоги Греча в ряду произведений иных авторов уже становились предметом анализа исследователей, занимавшихся проблематикой русских путешествий в Германию, примерами чего служат работы М. В. Батшева [Батшев], Н. Г. Морозовой [Морозова]. Образ Германии рассматривался литературоведами на материале как греческих путевых писем в целом [Ильченко, Аксенова], так и его «Парижских писем с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» [Жданов 2022] и «Действительной поездке в Германию в 1835 году» [Жданов 2023]. Кроме того, непосредственно текст «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» анализировался М. В. Аксеновой, опубликовавшей по проблематике пространства Чужого целый ряд работ [Аксенова 2017; Аксенова 2020; Аксенова

---

¹ В том же тексте Греч старательно подчеркивает различие между своим (русским, «нашим») и чужим (немецким) элементами: «наша Русская дорога» [Греч 1838: 247]; «наше русское раздолье» как противоположность германским «чрезполосным владениям» [Греч 1838: 292] и т. п.

2021], в том числе в соавторстве [Аксенова 2019]. Но германское пространство не являлось в последних четырех работах фокусом научного исследования. Что касается вышеупомянутого исследования Н. М. Ильченко и М. В. Аксеновой, то оно носит обзорный характер и не анализирует подробно германские пространственные образы, представленные в тексте «Путевых писем из Англии, Германии и Франции». Соответственно, наша статья призвана заполнить имеющуюся лауну и конкретизировать ранее не исследованные особенности репрезентации Германии в данном греческом травелоге, как общие с иными текстами автора, так и новые, характерные именно для путевых писем 1837 г.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу немецкой пространственной образности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», необходимо обозначить их место в контексте греческих травелогов о Германии. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» занимают здесь промежуточное положение, предваряемые двумя комплектами путевых писем, датируемыми 1817 и 1835 гг. соответственно и связанными с совершенными в это время автором путешествиями в Европу. В тексте о путешествии 1837 г. встречается несколько отсылок к этим впечатлениям двадцати- и двухлетней давности. В свою очередь, за «Путевыми письмами из Англии, Германии и Франции» следуют «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847). При этом восприятие немецкого пространства в вышеперечисленных текстах также претерпевает определенные изменения. Если текст 1817 г. связан в большей степени с травестийным мирообразом Германии, поданным в ироническом юмористическом ключе с отдельными элементами сентименталистского и романтического мирообразов (прежде всего репрезентация рейнского локуса), то в письмах 1835 г. скептическое отношение к Германии и немцам сменяется в основном на хвалебно-положительное. Данное пространство представлено преимущественно как сентименталистская идиллия, к которой добавлены черты нейтрального, фактографического описания рационально организованного хронотопа. Наконец, в греческом травелоге 1847 г. идиллический элемент подвергается смысловой «эрозии», а фактографичность в изображении упорядоченной Германии, наоборот, акцентирована. Последнему тексту свойственны также элегические настроения [Жданов 2022: 50].

В свете вышесказанного рассмотрим особенности репрезентации пространства Германии в «промежуточном» в контексте гречевского творчества травелоге «Путевые письма из Англии, Германии и Франции». При этом можно согласиться с мнением о наличии в тексте трех «пространственно-культурных слоев повествования»: событийного, лирического и исторического [Аксенова 2019: 17], хотя первые два из них порой весьма сложно переплетены. Вообще, это весьма эмоциональное и элегическое повествование о Германии по сравнению с предшествующими травелогами Греча, что объясняется в том числе событиями в жизни автора — в частности, смертью сына, после которой писатель испытал потребность сменить обстановку и поправить в путешествии пошатнувшееся здоровье, что актуализирует мотивы тоски по ушедшим, счастливого прошлого, составляющим весьма значительный пласт «лирического» хронотопа в тексте. Кроме того, травелог полон отсылок на предыдущие поездки в Германию, разных частных наблюдений, не имеющих прямого отношения к репрезентации немецкого имагинально-географического пространства. Особенно это характерно для первого и второго «немецких» фрагментов гречевского текста, преимущественно связанных с описанием виденных ранее автором германских земель.

Греч фактически трижды посещает германские земли за время своего путешествия в 1837 г. Сначала он пароходом из Петербурга попадает на север Германии. Этому посвящен фрагмент из первой части травелога, в которой речь идет о посещении Любека и Гамбурга, т. е. городов, описанных ранее, в путевых письмах 1837 г. Второй «немецкий» фрагмент (из второй части текста) повествует о возвращении русского путешественника в Германию из Франции через лиминальное пространство Эльзаса и Лотарингии. Тут представлены в основном прирейнские локусы, часть которых посещена автором за два десятка лет до этого, а также территории Пруссии, описанной в письмах 1837 г., и Саксонии, ранее не посещенной. Наконец, в третьей части Греч, возвращаясь из Богемии, изображает новый для себя южно-немецкий, «баварский», фрагмент. Следует отметить, что в рамках этой статьи мы сосредоточим внимание на первых двух фрагментах, поскольку, по нашему мнению, репрезентация локуса Баварии заслуживает отдельного детального анализа. Из-за эффекта новизны для самого Греча данной территории ее описание весьма значительно по

объему и имеет ряд особенностей, отличающих ее от образов прочих земель Германии.

В целом для репрезентации образа Германии в тексте «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» характерен тот же панегирический тон, что и в гречевской «Действительной поездке в Германию в 1835 году». При этом автор, как уже было сказано, не ставит задачу подробно описать места, ранее изображенные в предшествующих текстах. Зачастую Греч в общих чертах представляет Чужое, которое уже освоено нарратором-путешественником, став до некоторой степени привычным и Своим. Так, на первой же странице повествования образ пространства Германии задан через фигуры типажных «добрых немцев»-филистеров, часто встречаемые в русской литературе 20-х–30-х годов XIX в.: «...я опять в Германии: опять слышу стук огромных фур по мостовой: слышу хлопанье бичом; слышу беспрестанное ja wohl трактирных служителей; опять вижу добрых Немцев, с их простодушными, честными физиономиями, с трубкою или сигаркою во рту; милостивых Немок в разнородных костюмах, со взглядом, выражающим доверчивость и кротость нрава, с корзинкой на руках...»¹ [Греч 1839. Ч. 1: 1]. Автор вводит нас в пространство немецкой идиллии, маленького мирка, застывшего в своей ахронности, а мотив припоминания привычного актуализирован параллелизмом через повторение слова «опять». Греч вскользь упоминает первые немецкие локусы своего путешествия: залив Травемюнде и Любек, в котором автор, в отличие от предыдущего своего путешествия, находится лишь проездом на пути в Гамбург. Пафос идилического гостеприимного пространства Германии здесь несколько снижен, но не устранен меркантильными мотивами филистеров: «Нам обрадовались в Травемюнде и в Любеке, как первым ласточкам весною. Не любезность наша подает повод к этому радушному приему, а милые наши червонцы. Впрочем, в других землях деньги берут, да все же дурно обращаются с приезжими» [Греч 1839. Ч. 1: 9]. Эта ремарка указывает на отличие Германии как от прочего пространства Чужого, маркируемого расчетом без радушия, так и от Своего, где радушие и расчет воспринимаются как несочетаемые понятия.

---

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала приближены к современным.

Далее автор остраниет¹ идиллический пейзаж утреннего Любека посредством мотива смертности: «Любек спал. Позолоченные вывески отсвечивались над безмолвными домами и лавками как надгробные камни» [Греч 1839. Ч. 1: 11]. Происходит сдвиг, перемещающий маркируемый антропностью локус «спящего» города из пространства Гипноса к Танатосу, что соответствует внутреннему «лирическому» хронотопу повествования, в котором важное место занимают мотивы одиночества, утраты, смерти. На контрасте внешне-природного, весенне-витального и внутренне-душевного, проникнутого смертностью и страданием начал строится описание окрестностей Любека: «Тишина и безмолвие прерывались на дороге пением жаворонков и перекатными трелями соловьев. Разнотенные облака носились по горизонту и представляли мне фантастические очерки, в которых воображение мое искало отблески тех предметов, которые живут в душе моей незримыми чертами. Тоска овладела мною» [Греч 1839. Ч. 1: 12]. Следует отметить, что подобные онирические пейзажные описания мало свойственны греческой репрезентации Германии с доминирующими чертами демиприродной идиллии, т. е. облагороженной антропным началом природы в духе сентиментализма.

Следует также подчеркнуть, что в основном фокусе внимания Греча как наблюдателя-нарратора не столько природные или антропогенные объекты Чужого, сколько люди. Еще в путевых письмах 1817 г. он признавался, что отношение к той или иной территории у него зависит от ассоциации с тем или иным человеком, от наличия знакомых, близких ему по духу: «Дома не составляю города, рощи не общества, столпы и статуи не люди!» [Греч 1838: 133]. Вот почему во время первого путешествия в Германию у него отторжение вызвал Франкфурт-на-Майне: «Я не остался бы здесь и двух дней, если б обхождение с некоторыми из наших... не услаждало моего искуса» [Греч 1838: 136].

---

¹ Остраняется образ Любека и через описание погоды. Сначала автор задает оппозицию пространств «сурового севера» (России / Петербурга) и «севера умеренного» (Северной Германии / Любека), а затем переносит на последнее свойство «суровости». В этом путешествии Греча выходит так, что Петербург отмечен «полураспустившимися листьями и цветочными почками сирени», «зеленью берез», «десятками цветов, вызванных из сырой земли живительными лучами солнца», а локус Травемюнде, наоборот, маркирован «деревьями без листьев», «травкой тощей» [Греч 1839. Ч. 1: 11].

В письмах 1837 г. Греч возвращается к этой мысли: «...за двадцать лет пред сим, Франкфурт и его жители так мне опротивели, что вся Германия представилась мне тогда в ином свете» [Греч 1839. Ч. 2: 208–209].

Отсюда становятся понятны те меланхолические настроения, которые, усугубленные личной трагедией, прорываются не только в любекском эпизоде, но и во фрагментах второй части травелога, посвященных посещению Франкфурта и Берлина. Это путешествие одновременно в двух темпоральных потоках — настоящем и прошлом для нарратора. Так, Франкфурт сразу же маркируется как «...незабвенный... по воспоминаниям о единственном друге..., с которым я жил здесь за двадцать лет пред сим» [Греч 1839. Ч. 2: 206]. Повествователь проходит знакомыми местами, рассматривая «предметы, давно известные, виденные» в дружеском обществе: «Вот старинная гауптвахта с двумя пушками; вот церковь Св. Екатерины. Вот театр; влево от него аллея, и на этой аллее дом, в котором мы жили. Вызолоченный конь (вывеска гостиницы) отсвечивается при блеске фонарей. В окнах бывших наших комнат свет и движение. Войду. Зачем? Кто меня там узнает? А если б кто и узнал, это не тот, которого я ищу. С глубоким вздохом обратился я в другую сторону, ходил, ходил один с грустными своими мечтаниями по утихавшим улицам Франкфурта...» [Греч 1839. Ч. 2: 206–207]. Как видим, локусы города не только скупо описаны, поскольку автор отсылает читателя к тексту 1817 г., но и обезличены, так как лишены антропности, связи с человеком. Аналогично любекскому эпизоду во франкфуртском фрагменте соединяются мотивы тишины, смерти и путешествия в прошлое, причем не в обезличенное, а интимное, в хронотоп Франкфурта памяти. Подобное соединение темпоральных потоков и связанный с ним комплекс личных переживаний мы встречаем и в берлинском эпизоде гречевского путешествия, когда нарратор рефлексировал о событиях двухлетней давности: «Мне казалось, что я с 1835 года не выезжал из Берлина. Одного мне не доставало — тогдашних друзей и земляков. С унынием остановился я Под Липами [*на улице Unter den Linden — авт.*] <...> Где тот? где другой? где — мне взгрустнулось в живой толпе народной» [Греч 1839. Ч. 2: 217–218].

В гораздо меньшей степени нарратор выходит за границы бестревожной идиллии, представляя знакомый Гамбург. Идилличны по своей характеристике как его окрестности («загородные жилища» с их «изящ-

ным вкусом», «позволительной роскошью» и «искренним радушием»; «Ренвилев сада» с «прелестною картиною реки при громком пении соловьев» [Греч 1839. Ч. 1: 28], «миловидные берега Эльбы» [Греч 1839. Ч. 1: 31]), так и общие описания города как антропного пространства, маркированного мотивами света, жизни, движения, порядка, визуальной привлекательности: «светлый, живой, движущийся Гамбург»; «картина Альстера, окруженного великолепными зданиями и зеленью» [Греч 1839. Ч. 1: 15]; «благоустройство народных школ» [Греч 1839. Ч. 1: 22].

Как и в путевых письмах 1835 г., Греч расхваливает самих гамбургцев: «...простые граждане гамбургские отличаются благонравием, кротостью, повиновением закону и в то же время уважением к самим себе. Ein hamburger Bürger (гамбургский гражданин) есть у них самое почетное титуло, равняющее их с первыми особами города» [Греч 1839. Ч. 1: 22]. Вообще, эта сглаженность социальных границ (как свойство идиллии) характерна в целом для описания германского пространства. Например, в прусском фрагменте карамзинских «Письмах русского путешественника» особо подчеркнуто, «...что самые богатые и знатные люди не расточают денег на суетную роскошь, и соблюдают строгую экономию в столе, платье, экипаже и проч.» [Карамзин 48]. В Гамбурге Греча даже «люди неважного звания» [Греч 1839. Ч. 1: 22] выглядят как обеспеченные бюргеры. Так, автор принимает за бухгалтера «трактирного слугу (лонлакея)», судя по его одежде и поведению: «хорошо одетый человек» ведет под руку «благонадежную супругу» и «с важностью», т. е. без самоунижения, раскланивается с местной элитой. Другой обыватель непринужденно прикуривает на улице от сигары «...человека, который мог бы не разорясь купить и его, и весь его цех» [Греч 1839. Ч. 1: 23]. В целом гамбургцы охарактеризованы «благородными, добрыми, почтенными людьми» [Греч 1839. Ч. 1: 28]. Соответственно, пространство Гамбурга в тексте описано одновременно и как идиллическое, маркированное социальным миром, и как рационально устроенное, т. е. перед нами образ рационализированной идиллии, сходный с образом Гамбурга из писем 1835 г. При этом, несмотря на торговый характер города, не коммерция, согласно автору, определяет сущность локуса: «...не деньги составляют здесь главное и существенное, а бескорыстное, усердное, неусыпное попечение каждого из членов о содействии к достижению предположенной цели: повиновение старшим, строгое исполнение уставов и предписаний, бдительное наблюдение над подчиненными и ограничение себя награ-

дою, который каждый честный человек находит в свидетельстве своей совести и в созерцании добра, сделанного им на кратком жизненном поприще» [Греч 1839. Ч. 1: 27].

Идиллическое начало в нарративе еще усиливается во второй части гречевского травелога — на контрасте от возвращения¹ автора из Франции в Германию. Франции вообще свойственна негативная образность в текстах Греча данного периода. Это пространство хаоса, шума, опасности, которое пытается дестабилизировать рационально-идиллическую Германию. Недаром писатель сетует, что «в последнее время политика начала сбивать Немцев с толку: они слушаются теорий зарейнских...» [Греч 1839. Ч. 2: 234]. Формальной границей между французским и немецким пространствами традиционно выступает Рейн. Причем мотив их противопоставления проявляется даже в образе моста. То, что обычно воспринимается как медиационный локус, т. е. место, соединяющее два берега реки, в тексте Греча описывается в противоположном значении: «мост, разделяющий Францию с Германию» [Греч 1839. Ч. 2: 183].

Попадая в Германию, путешественник сразу же начинает восхвалять ее, во-первых, как рационализированное пространство, что актуализируется в образе единого таможенного пространства, устройству которого в путевых письмах 1835 г. Греч уделяет несколько страниц.

---

¹ Традиционная для русской путевой литературы лиминальность Эльзаса и Лотарингии как французско-немецкой границы в данном тексте Греча выражена слабо, прежде всего через язык: «Говорят они [*поселянки в Меце — авт.*] каким-то странным наречием (лотарингским), которое составлено из слов французских и немецких...» [Греч 1839. Ч. 2: 175]; «В городке Саррюнионе <...> прислушивался к эльзасскому наречию. Оно совершенно немецкое, но такое странное и грубое, что его чрезвычайно трудно понять. Некоторые французские слова приняты в это наречие и обделаны на немецкий лад» [Греч 1839. Ч. 2: 176]. В целом писатель делает вывод о слабо выраженной немецкости данного пространства: «... жители Лотарингии и Алзации давно забыли свое немецкое происхождение и всю душою привязаны к Франции» [Греч 1839. Ч. 2: 176]. Кроме того, немецкость Страсбурга маркируется через сферу глоттонического: «...во Франции [*обедают — авт.*] в шесть; в Германии, начиная со Страсбурга, в час!» [Греч 1839, ч. 2: 199]. Вообще, Франция противопоставлена Германии в том числе через глоттонию: в первой сахар подают большими кусками, во второй — маленькими, «зато белый хлеб и булки в Германии гораздо нежнее и вкуснее французских» [Греч 1839, ч. 2: 199].

В анализируемом же нами тексте автор лишь упоминает, что может «проехать до Кенигсберга и никакая таможенная застава» [Греч 1839. Ч. 2: 185] не станет помехой на этой дороге. Также (традиционно для гречевского нарратива) восхваляется фигура прусского короля-упорядочивателя раздробленного немецкого пространства: «Дай Бог многие лета Королю Фридриху Вильгельму III!» [Греч 1839. Ч. 2: 185]. Новой же сферой упорядочивания объявляется монетная система.

Далее Греч превозносит уже Германию идилическую, чью образность актуализирует панегирик немецкому пространству, где соединяются черты эстетики сентиментализма, бидермайера и романтизма: «Прекрасная, благословенная Германия! Я опять тебя увидел, я опять посреди твоих добрых граждан и поселян, посреди романтических дев с голубыми глазами, умильною улыбкою и стихом Шиллера в устах! Мне и воздух казался здесь иным: в нем носились мелодии Моцарта; в ручье вод шептали стихи Уланда»¹ [Греч 1839. Ч. 2: 188–189].

Греч остраивает типажный образ Германии, представляя последнюю как пространство свободы и противопоставляя тем самым Германию Франции, которая воспринимается современниками автора в качестве такового: «Слава Богу, я на свободе! На свободе? Спросите вы: на свободе, выехав из Франции, которая величает себя странюю свободы по превосходству? — Точно так! Я не обмолвился: в Германии я на свободе, под покровительством законов, свято чтимых, под властью правительств благоустроенных. Во Франции Бог сделал все для изобилия и счастья людей, а люди все исковеркали, перепортили» [Греч 1839. Ч. 2: 189]. Соответственно, акцентируется оппозиция, первым элементом которой служит Франция как оскверненный людскими грехами рай, несостоявшаяся, профанизованная идиллия, локус беззакония, где торжествуют «выгоды вещественные, материальные, денежные» [Греч 1839. Ч. 2: 191],

---

¹ Ср. этот гречевский панегирик Германии с фрагментом из его путевых писем 1817 г., где настроения были прямо противоположными. В них главенствовали ирония по поводу филистерской Германии и разочарование из-за несоответствия фантазии реальности: «Для чего не остался я на левом берегу Рейна, чтобы утешаться сею приятною мечтою? Существенность меня разочаровала!» [Греч 1838: 121]. Примечательно, что все те черты, которые Греч не нашел в Германии 1817 г. (патриархальность с ее добрыми нравами, страна поэзии, маркированная именами Клопштока, Виланда, Гете, Шиллера), автор находит в Германии 1837 г.

т. е. поданная в руссоистской трактовке цивилизация, искажающая естественную доброту человеческой природы. Второй же элемент — идиллически-патриархальная Германия, земной парадис, локус закона, порядка, а также «всего благородного, великого и священного» [Греч 1839. Ч. 2: 191]. Таким образом, немцы, по Гречу, в большей степени соответствуют руссоистскому идеалу. Их «естественность» подчеркивается несколько ироническим уподоблением нации реке: «Немцы похожи на свой прекрасный Рейн¹: бурлят и шумят в молодости, протекают по прекрасной стране в середине жизни и наконец разливаются в ничто» [Греч 1839. Ч. 2: 191]. Автор утверждает неизменно филистерскую природу немецкого начала, что, к слову, соответствует традиции репрезентации немцев в русской литературе [Жуковская: 47]: «Есть пожилые люди и старики со странными и несбыточными идеями <...> но эти неистовые в газетах писатели сами не в состоянии убить клопа и плачут с умиления, услышав мелодию отечественную: Ach du mein lieber Augustin! Есть молодые крикуны и буяны <...> пройдет года четыре; наш либерал получил место пастора, женился на своей Аугусте, сидит с трубкою во рту перед камином, прихлебывает бурое пиво и повторяет любимую немецкую поговорку: “Ja, ja, so geht es in der Welt!”» [Греч 1839. Ч. 2: 191].

Фактически во всех дальнейших описаниях германских локусов идиллическое, рациональное и филистерское начала будут доминировать, переплетаясь друг с другом. Например, в общей характеристике Баденского герцогства превалируют черты идиллии, причем опять-таки противопоставленной «ложному» французскому парадису: «...какая земля! Рай земной, климатом, местоположением, обилием плодов земных. Когда подумаешь, что ту сторону, за Рейном, величают la belle France! Славны бубны за горами!» [Греч 1839. Ч. 2: 203]. К комплексу идиллически-аркадских черт может быть отнесена изобильная растительность демиприродных локусов пашни, поля, сада, дороги («...красуются... виноградники...»; «...тянутся луга и пашни в разноцветном убранстве...»; «Растительность самая тучная и свежая» [Греч 1839. Ч. 2: 193]; «тучная, болотистая земля подле Рейна» [Греч 1839. Ч. 2: 204];

---

¹ Заметим, что в данном пассаже Рейн маркирован именно немецкостью без всякой примеси французскости, чего, казалось бы, стоило ожидать от пограничного локуса.

«небольшое возвышение, покрытое виноградниками»; «отлогая покатость к Рейну, устланная виноградными садами, зрелыми пашнями, тучными лугами»; «...дорога осенена большими ореховыми деревьями, каштанами и тополями» [Греч 1839. Ч. 2: 203].

Часто встречается в описании баденского (и в целом немецкого) идиллического пространства и мотив чистоты: «Долина пересекается множеством чистых, прохладительных ручейков» [Греч 1839. Ч. 2: 193]; «опрятность» гостиниц, где подают «чистую воду в рукомошнике» [Греч 1839. Ч. 2: 198]; «Деревни... опрятны» [Греч 1839. Ч. 2: 203].

С идиллией связаны также мотивы, с одной стороны, движения и витальности, а с другой — довольства и веселья: «Везде движение, деятельность, довольство»; «Крестьяне веселы и приветливы» [Греч 1839, Ч. 2: 203]; «живой» Гейдельберг [Греч 1839. Ч. 2: 204]. Впрочем, мотив веселья в приложении к образу города-курорта Баден-Бадена остраивает его. Вместо «больных, страждущих, печальных» локус наполнен «людьми веселыми, здоровыми, охотниками пожить и повеселиться» [Греч 1839. Ч. 2: 193]. Гречевскому описанию Бадена с его вскользь упоминаемыми игорными домами, однако, далеко до смеховой травестии, которые мы встречаем в репрезентации немецких курортов в текстах И. П. Мятлева или М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Кроме того, германская идиллия в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв. соединяется с идеями социального мира и просвещенной монархии, собственно являющейся гарантом этого мира и благоденствия подданных. Греч как противник представительских форм правления в своих травелогах, разумеется, много и эмоционально славит различных немецких правителей. В «баденском» фрагменте писем о путешествии в 1837 г. автор, в частности, упоминает, что «Баденское Великое Герцогство благоденствует под правлением своего Государя, которого все хвалят за кротость, правосудие и народолюбие. Супругу его, Великую Герцогиню Софию, урожденную Принцессу Шведскую, народ обожает. Портрет ее красуется везде, и в чертогах, и в хижинах» [Греч 1839. Ч. 2: 203]. Также писатель хвалит местные заседания земских чинов, противопоставляя их французским обычаям: «...в Баденской Палате дела идут гораздо приличнее, тише и благороднее, нежели во Французской и даже в Английском Парламенте. <...> Здесь нет оппозиции систематической, то есть такой, которая всегда и во всяком случае противится министерству...» [Греч 1839. Ч. 2: 201].

В комплекс черт идиллического пространства входит и мотив его визуальной привлекательности: «...Баден-Баден, самое прелестное место, какое только существовать может» [Греч 1839. Ч. 2: 192]; «великолепный и красивый дом» [Греч 1839. Ч. 2: 194]; «прелестные виды» [Греч 1839. Ч. 2: 195]; «прекрасные гульбища, окружающие Карлсруэ» [Греч 1839. Ч. 2: 200]; «Деревни красивы...» [Греч 1839. Ч. 2: 203]; «красивый городок» Гейдельберг с «прекрасными развалинами на середине горы» [Греч 1839. Ч. 2: 204]; городок Вейнгейм «...считается самым красивым и плодоносным по всей нагорной дороге» [Греч 1839. Ч. 2: 205]; «гостиницы германские» характеризуются «изяществом» и наличием «миловидной девушки»-служанки [Греч 1839. Ч. 2: 198].

Вообще некоторые пейзажные описания в гречевском тексте напоминают карамзинские и связаны с интенцией создать широкую панораму открывающего перед наблюдателем-нарратором зрелища: «Окружающие... горы невысоки, местами отлоги, покрыты лесом и чрезвычайно разнообразны. При самом въезде в долину чувствуется дыхание благотворного, теплого воздуха. С обеих сторон представляются очаровательные виды: с левой красуются светло-зеленые виноградники, позади них чернеются сосны, посреди них утесы и развалины древнего замка Бадена; по правую руку тянутся луга и пашни в разноцветном убранстве и горы, покрытые буком; в середине, в просторном месте долины, лежит Баден с замком и башнями; вдали синятся высочайшие вершины Шварцвальда» [Греч 1839. Ч. 2: 193]. Сходным образом выстроено сентименталистское описание демиприродного (деревенского) пейзажа деревни Бишофсгейм в качестве изображения облагороженной природы. Оно представлено автором как картина, т. е. статическое зрелище, которым любуется завороженный наблюдатель. К этому также добавлен мотив театральности, характерный для описания немецкой идиллии в письмах 1835 г. [Жданов 2023: 13]: «Я восхитился давно невиданною картиною: мне представилась декорация сельской немецкой драмы. Домики чистые, большей частью мазанки, недавно выбеленные, окруженные зеленым палисадником; садики наполнены цветами и плодовыми деревьями. Виноградные лозы вьются вверх по стенам. Из-за чистых стекол выглядывают милые личики. На распутии стоит изваянное из камня колоссальное распятие. Порядочно одетые крестьяне важно расхаживают по улицам с трубкою во рту и приветливо кланяются знакомому почтальону»

[Греч 1839. Ч. 2: 188]. В данном описании мы встречаем идиллические мотивы чистоты, изобилия и витальности, переданные через вегетативные образы, а также типажный образ немца-филистера с неизменной трубкой, который, однако, здесь является объектом не осмеяния, а любования, поскольку является частью идиллической панорамы.

Мотивы удобства и пользы объединяют до некоторой степени сферы идиллического и рационального в описании Германии: «Гостиницы германские и в самом незначительном городке отличаются удобством...» [Греч 1839. Ч. 2: 198]. При этом перечисление болезней, от которых «чрезвычайно полезны» «воды Баденские», а также скупое описание самого курорта отсылают скорее к нейтральному, фактографическому мирообразу [Греч 1839. Ч. 2: 193].

Мотивы удобства и упорядоченности также актуализированы в пространстве немецких дорог. Как и в письмах 1835 г., Греч особо останавливается на изменениях в данной сфере: «Во всех старинных и еще недавних путешествиях по Германии найдете вы жалобы на дурное устройство почт, на медленность их движения, на неудобство экипажей, на грубость почталыонов. Теперь этого нет. Движение дилижансов и экстра-почт происходит регулярно, довольно скоро и дешево. <...> Кареты прусских дилижансов устроены очень удобно; входить и выходить ловко и безопасно. Простору довольно, особенно в переднем кабриолете. <...> Всего приятнее то, что знаешь, когда куда приедешь и что дорогою не будет остановок» [Греч 1839. Ч. 2: 210–211].

В описаниях иных, помимо баденских, немецких земель встречаем все те же идиллические черты. Так, Тюрингия характеризуется «страшной гористой, покрытой лесами, но усеянной селениями и городами, орошаемой судоходными реками, пересекаемой многочисленными дорогами. На каждом шагу представлялись прекрасные виды: холмы и горы, увенчанные лесом; живописные долины, испещренные усадьбами и деревнями» [Греч 1839. Ч. 2: 216], т. е., несмотря на наличие гор и лесов (локусов дикой природы¹), в целом пространство изображается упорядоченно-антропным, освоенным человеком.

Как и в письмах 1835 г., Берлин изображен в основном в качестве семейной идиллии, т. е. Берлин есть город-семья, где монарх — отец

---

¹ В отличие от романтиков Греча дикие ландшафты волнуют мало, как наблюдатель он сосредоточен преимущественно на демиприродной идиллии.

нации, а берлинцы — его «дети». Лишь обозначая условными пунктами прибытие в столицу Пруссии («Вот Потсдам! Вот монумент на Крейцберге! Вот и Берлин!»), Греч сразу вводит читателя в атмосферу праздничного Берлина: «Сегодня (22 июля) день рождения Короля. Везде раздаётся музыка. Все веселится и ликует. Это семейный праздник во всем Прусском королевстве» [Греч 1839. Ч. 2: 217]. Также подчеркивается ахронность как существенная черта идиллии, что объясняется Гречем монархическим правлением на территории: «...здесь все на месте, все идет своим чередом. Приезжайте чрез несколько лет в какой-нибудь городок: вся разница против прежнего будет состоять в новых зданиях и всенародных учреждениях. Нравы, привычки, забавы, мнения, желания людей все те же» [Греч 1839. Ч. 2: 217]. Особо идиллична по авторской филиации идей с гетевской Шарлоттой «широкая, чистая улица» Scharlottenstrasse: «...es ist so lieblich, so gemütlich! Вот видите, берлинский воздух¹ уже действует на меня!» [Греч 1839. Ч. 2: 218]. Также вновь актуализированы мотивы свободы и чистоты, связанные для автора с немецким пространством: «Я дышу свободнее в опрятной Германии, особенно когда вспоминаю о грязных улицах Парижа» [Греч 1839. Ч. 2: 218]. В целом Берлин охарактеризован в травелогe положительно, поскольку здесь Греч встречает близких ему по духу людей: «...провел я в Берлине девять дней с большим удовольствием... пользовался беседою умных и добрых людей; наслаждался изящными искусствами» [Греч 1839. Ч. 2: 231]. Даже для нелюбимого Франкфурта у писателя находится несколько похвальных слов относительно мест, связанных с искусством: это «прекрасная картинная галерея», отличающаяся «порядком», «опрятностью» и «приветливостью зрителей», и «приятная глазам улица Гиршграбен (место рождения Гете)» [Греч 1839. Ч. 2: 208]. Те же характеристики маркируют город в целом: «Франкфурт во многом переменялся к лучшему. Опрятность и миловидность главных частей его удивительны. <...> Мостовая ныне

---

¹ Мотив живительного воздуха идиллической Германии встречаем на протяжении второй части. Вспомним «дыхание благотворного, теплого воздуха» при приближении к Баден-Бадену [Греч 1839. Ч. 2: 193]. То же касается и пространства Саксонии: «Какая-то свежесть дышит в воздухе. Нет ни пыли, ни зною» [Греч 1839. Ч. 2: 238] (Дрезден); «Воздух здесь чистый и здоровый» (замок Пильниц); «Тишина и благообразие воздуха удивительные» (Таранд).

очень хороша» [Греч 1839. Ч. 2: 208], тем не менее, поскольку сами франкфуртцы не слишком изменились за двадцать лет, данный локус не вызывает у писателя особой симпатии.

Однако, пожалуй, в наибольшей степени идиллические характеристики свойственны в гречевском тексте пространству Саксонии, которая еще в карамзинских «Письмах...» выступала эталоном немецкой идиллии. В «саксонском» фрагменте Греч называет несколько связанных с сентименталистским мирообразом локусов. Это «дорога из Дрездена в Богемию» «по левому берегу Эльбы» с «прекрасною аллею, окруженною живописными видами» [Греч 1839. Ч. 2: 277], Пирна, «городок чистый светлый, миловидный» [Греч 1839. Ч. 2: 280], и местечко Таранд, одни из «достойных замечания» «отдаленных окрестностей Дрездена» [Греч 1839. Ч. 2: 246]. Дорога сюда лежит через Плауэнскую Лощину¹, описание которой напоминает по стилю карамзинские. Здесь, с одной стороны, встречаются образы диких ландшафтов, обычно несвойственные гречевскому нарративу: «...эта лощина представляет виды прекрасные: дикие скалы красноватого сиенита, монументы поворота, случившегося здесь за несколько тысяч лет, когда бурные воды, устремившиеся с запада, расторгли толпу каменных гор, поднимаются отвесно на тридцать пять саженей, от русла речки, теперь тихо шепчущей, пробираясь между камнями, а весною бурной и стремительной» [Греч 1839. Ч. 2: 251]. С другой — локус лощины во многом демиприроден, освоен немецкой ургией. Это типичное идиллическое (упорядоченное, уютное и закрытое) пространство: «В Плауэнской Лощине есть несколько больших мельниц и огромные копи каменного угля, добываемого посредством паровой машины. В самых живописных местах возвышаются уютные сельские домики, окруженные садами. На каждых четырехстах шагах веселые деревни» [Греч 1839. Ч. 2: 251].

---

¹ Смеем предположить, что дополнительную привлекательность тарандской идиллии для Греча добавляет некоторый элемент Своего (славянского) в чужом пространстве: «...это имя, как и многие другие названия здешних урочищ, есть славянское; оно собственно есть Плавень, вероятно, по сплаву леса в вешнюю воду по протекающей здесь речке Вейсерице (По-славянски Быстрице)» [Греч 1839. Ч. 2: 251]. К подобному поиску Своего автор прибегает и в путевых письмах 1835 г., описывая Любек.

Те же мотивы узости, чистоты, светлости, растительного изобилия свойственны и самому Таранду: «местечко, рассыпанное по узкой долине и по скатам гор <...> Дома чистые, светлые, окружены садами» [Греч 1839. Ч. 2: 252]. Здесь имеются и «живописные развалины замка» [Греч 1839. Ч. 2: 252–253], которые, однако, описаны достаточно сухо, нейтрально, без того пафоса предромантического ужаса, характерного для карамзинских «Писем...»: «Остались три главные стены здания с окнами; видны углубления рва. Стены кирпичные, чрезвычайно толсты и связаны цементом, превратившимся в камень. В новейшее время пристроены к ним контрфорсы, и на них галерея, с которой представляется несравненный вид в долину. Есть следы древних погребов и подземных ходов (тайников)» [Греч 1839. Ч. 2: 252–253]. Так же, фактографически¹, упоминается языческое прошлое локуса: «...в самые древние времена было здесь капище языческого бога Тора, и урочище сие называлось Торанд» [Греч 1839. Ч. 2: 253]. Фактографическая рациональность и упорядоченность проявляются и в репрезентации локуса сада лесного института: «Для преподавания лесной ботаники разведен... сад, в котором посажены 750 растений, важных для лесной части, и 225, относящихся к земледелию. <...> Защита, получаемая растениями от других деревьев, и искусное расположение на покатости горы способствуют их прозябанию» [Греч 1839. Ч. 2: 254]. Наконец, мотив утилитарной пользы актуализирован в описании тарандских вод: «... есть и целительные воды, соляножелезистые; есть целительные грязи, очень полезные в разных болезнях» [Греч 1839. Ч. 2: 254].

«Концентрация» же сентименталистского мирообраза приходится на другое место в рамках Таранда, которое имеет черты сакральности, уединенности, пространственной ограниченности, светлости, визуальной привлекательности: «...всего замечательнее, всего восхитительнее в Таранде одно уединенное место, Священные Сени (die heiligen Schatten). Это узкая оконечность довольно глубокой долины, оканчивающейся уступами в горе. И в долине, и на естественных террасах горы растут превысокие, прямые букковые деревья и вершинами своими со-

---

¹ Ср. с эмоциональным описанием языческого капища в немецких землях у Карамзина: «Тут возвышался некогда величественный... дуб священный для древних обитателей сей земли. Под мрачною его тению обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его в диких своих гимнах» [Карамзин: 24].

ставляют зеленый шатер, дающий всегдашнюю тень, не угрюмую, не темную, а какой-то очаровательный полусвет. Листья светло-зеленые, колеблемые ветром, движутся над головою странника на голубом небесном своде, едва внятным шелестом прерывают молчание уединенной долины и навевают на душу какое-то неизъяснимое удовольствие, что-то отрадное, неземное, райское. Уголок этот должен быть еще восхитительнее весной, когда шумит внизу Быстрица, когда в священных сениях поют соловьи» [Греч 1839. Ч. 2: 255]. По сути, перед нами разворачивается пространное и эмоционально окрашенное описание горной священной рощи, где природа выступает манифестацией божественного. Неслучайно возникает пространство неба («голубой небесный свод»), что нечасто встречается в греческом нарративе о Германии, где преобладает либо горизонтальные описания, либо пространственные образы, порождаемые созерцанием сверху вниз. Напомним, что подобный «прорыв» небесного (как переходного к трансцендентному) пространства с порождаемой им ярко выраженной эмоциональностью мы встречаем в первой части травелога в рамках изображения окрестностей Любека.

Эти сакральность и уединенность (закрытость от мира) проецирует в греческом тексте на весь Таранд образ священного лесного скита, где можно общаться с небесным началом (ведь лес, по Ж. ле Гоффу, есть «западный эквивалент пустыни Востока», один их хронотопов, «где исчезает граница между воображаемым и реальностью» [Ле Гофф: 22]): «Германский Таранд есть уединенная лощина, где горы раздвигаются только для того, чтоб житель ее мог взглянуть на небо; где все тихо, просто, скудно благами света и богато красотами природы, где природа, любовь и наука нашли себе приют вдали от тумана мирских страстей и треволнений» [Греч 1839. Ч. 2: 258]. При этом последний пассаж про объединение природы, любви и науки есть выражение сентименталистского дискурса. Характерно, что локус объявляется примером естественности, разумеется, в ее облагороженном, а не дикарском варианте: «... в Таранде все носит печать красоты неискусственной, возвышенной, душевной» [Греч 1839. Ч. 2: 256].

Кроме того, сакральный Таранд противопоставляется другим, профанным курортам, в том числе и Бадену: «Таранду недостает только славы, молвы, моды, чтобы стать наряду с Мариенбадом, Киссингеном, Баденом и проч. Да сохранил его всеблагое Провидение

от этой незавидной славы! Страждущие, больные, несчастные и теперь найдут к нему дорогу, найдут в нем исцеление, ускоряемое тишиною и уединением очаровательного места. Прославься Таранд — и в нем возникнет великолепная гостиница с банком и рулеткою. Нагрянут туда со всех сторон картежники и тунеядцы, страждущие праздностию, скукою и пресыщением, влачащие свою ненадобность по всем теплицам Европы» [Греч 1839. Ч. 2: 255–256]. В известной мере противопоставление Таранда прочим курортам может быть рассмотрено и через оппозицию «город-дева — город-блудница». Гречем акцентирован «женский» характер данного локуса: во-первых, здесь обретается «кроткая богиня здравия»; во-вторых, сам Таранд уподоблен женщине («Оставайся в полузабвении, как прекрасная женщина, окруженная таинственным туманом добродетели и не расточающая прелести своей любви в обществе бездушных, неблагодарных и зло-речивых»); в-третьих, в тарандском ущелье, называемом «приютом Тихой Любви (Stille Liebe)», «таится грот Магдалины», где природные красоты («прелестнейшие цветы», «темный лес», «крутые скалы», шумящий водопад) сочетаются в сентименталистском духе с вырезанными на скале стихами Гете. Наконец, Таранд «до беспамятства любят» «дрезденские красавицы», «здешними красотами» «более всех восхищаются» берлинские дамы [Греч 1839. Ч. 2: 257].

В отличие от Таранда, Дрезден изображен амбивалентно. С одной стороны, данный образ маркирован чертами идиллии. Они особенно ярко проявлены при описании первого (панорамного) взгляда на город: «...лишь только ступил на каменный мост, соединяющий две части Дрездена, Старую и Новую, был поражен изумлением. Никакой из виданных мною городов не может сравниться прелестью с Дрезденом! Эльба здесь не широка и не глубока, но весь город окружен светло-зелеными холмами, и сам состоит из зданий разнообразных и оригинальных» [Греч 1839. Ч. 2: 238]. Из архитектурных объектов города в положительных тонах охарактеризованы «прекрасная терраса (брюлевская)», «огромная, великолепная католическая церковь» [Греч 1839. Ч. 2: 238], «прекрасная Картинная Галерея»¹, «славнейшее достоя-

---

1 Греч объясняет свой отказ описывать галерею, во-первых, наличием подробных ее репрезентаций в текстах русской словесности («Эта галерея столько раз описана, что я считаю лишним говорить о ней» [Греч

ние Дрездена», питающее «душу небесною манною изящного»; а также «знаменитый Японский Дворец с его антиками, монетами, драгоценным собранием фарфоров японских, китайских, ост-индских и саксонских» [Греч 1839. Ч. 2: 244] и так называемая «Зеленая Кладовая, наполненная изделиями, штучками и куриозами бронзовыми, слоновьей кости, мозаиками из раковин и перьев, золотыми и серебряными чашами, кристаллами, геммами, камнями, разными жемчужинами, скульптурами на дереве, королевскими клейнодами и драгоценностями» [Греч 1839. Ч. 2: 244–245]. Из всех объектов последней особого упоминания удостоивается лишь «игрушка, представляющая торжественное шествие Великого Могола Эвренг-Зиба» [Греч 1839. Ч. 2: 244–245], да и то только потому, что она связана с историческим анекдотом о пребывании в Дрездене царя Петра. Идиллическими чертами наделяны и демиприродные дрезденские локусы: «Всего милее близкие и дальние окрестности Дрездена: Линков Сад у самых ворот города, сад Лорда Финдлатера на берегу Эльбы с виноградником, и большой Королевский Сад, лежащий к востоку от города с великолепным дворцом и прекрасными статуями» [Греч 1839. Ч. 2: 246]. В связи с пейзажным описанием ночного города Греч вводит мотивы патриархальности и ахронности места: «Полная луна стояла над Эльбою и смотрелась в струи ее. Фантастические украшения католической церкви, изящный купол храма Пресвятой Богородицы — озарялись ее томными лучами. Тишина водворялась. Запоздалые четы сходили по широкому крыльцу Брюлевской террасы. Старинная Германия не изменяет праотеческих нравов. Здесь трудятся днем, гуляют вечером, а спят ночью» [Греч 1839. Ч. 2: 258]. Сами дрезденцы в основном охарактеризованы весьма положительно: «Жители Саксонии известны своею честностью, образованием, умеренностью в желаниях и любовью к отечеству. В обращении они кротки и учтивы. Земледельцы, фабриканты и рудокопы славятся трудолюбием и трезвостью» [Греч 1839. Ч. 2: 243]; «Женщины издавна знамениты красотою и любезностью» [Греч 1839. Ч. 2: 244].

1839. Ч. 2: 244]), а во-вторых, несовершенством вербального языка для передачи произведений других родов искусств, тем самым автор порывает с традицией экфрасиса, заложенной в карамзинских «Письмах...», причем в письмах, написанных за два года до этого, автор все же описывает отдельные предметы искусства.

В то же время из идиллической картины Дрездена выбивается характеристика королевского дворца: «здание угрюмое, некрасивое» [Греч 1839. Ч. 2: 238]. Кроме того, в отличие от прочих немецких монархов, дрезденские правители открыто критикуются автором: курфюрст Август — за то, что связался с Польшей, «отрекся от Веры отцов своих¹, от Веры, исповедуемой всеми его подданными, оставил добрых своих Немцев на произвол жестоких и несправедливых наместников, а сам обратился к новым своим подданным, непостоянным, неблагодарным, сварливым и бестолковым» [Греч 1839. Ч. 2: 242], т. е. Польша здесь, как и Франция ранее, выступает негативным элементом оппозиции.

---

¹ Как нам кажется, здесь Греч осуждает Августа не как протестант протестанта, перешедшего в католичество, а порицает именно сам факт смены веры по политическим соображениям, т. е. измену вере отцов как порядку патриархальной идиллии, да еще и в пользу поляков, которые, наряду с французами, являются антиидиллическими, отрицательно маркируемыми противоположностями добропорядочных немцев в гречевском тексте. Автор вовсе не старается утвердить превосходство одной христианской конфессии над другой, признавая за людьми свободу вероисповедания в духе умеренного просвещения: «Я видел в разных частях Германии, и католической и протестантской, ... героев добродетели и правды, которые <...> честно и бескорыстно исполняют долг свой, не думают, чтоб возможно было коснуться чужой или казенной копейки и умирают в бедности с твердым упованием, что Бог, правосудный сердцеведец, не оставит своим благословением сирот честного человека и истинного Христианина» [Греч 1839. Ч. 3: 75–76]. Конечно, он критикует иезуитов, но, скорее, с позиции Просвещения, что, кстати, делает и Карамзин в «немецком» фрагменте «Писем...»: «Мюнхенский Королевский Университет... был... подчинен неограниченному влиянию иезуитов, которые не давали уму и дарованиям ни малейшего простору» [Греч 1839. Ч. 3: 77]. Он даже порицает протестантов, которые ходят на католические мессы не из религиозного чувства, а слушать «концерт» [Греч 1839. Ч. 2: 239]. В тексте 1847 г. Греч осуждает лютеран, пытавшихся помешать католическому ходу в Оснабрюке, и с теплой отзывчивостью о католической процессии в Кельне [Жданов 2022: 53]. И хотя автор считает неуместным использование музыкальных инструментов в католической службе, что придает ей оттенок светскости («Я выслушал знаменитую обедню, признаюсь, без всякого эстетического или религиозного возвышения души. Я не постигаю церковной музыки, сопровождаемой инструментами. Где я слышу контрабасы, скрипки, флейты, там отзываются в моем воспоминании Дон-Жуан, Семирамида, Роберт, Фенелла» [Греч 1839. Ч. 2: 238–239]), духовным признается, как сказано выше, православное, а не протестантское богослужение.

Греч порицает Августа за расточительность и даже украшательство Дрездена, приведшее государство к разорению: «Дрезден обогатился огромными зданиями, но дома граждан и хижины народа обеднели и опустели. Великолепие и роскошь господствовали при Дворе Королей Августа I и III; торговля, фабрики, горное дело, земледелие упали» [Греч 1839. Ч. 2: 242]. Другой саксонский правитель Фридрих Август, хотя и охарактеризован «добродетельным» и более отвечающим образу просвещенного монарха немецкой идиллии («был истинным отцом своего народа и приобрел себе у современников и потомства благородное воспоминание»), осуждается за поддержку «притеснителя и губителя Германии» Наполеона, давшую «повод к уменьшению Королевства Саксонского» [Греч 1839. Ч. 2: 243].

В соответствии с этой позицией Греч акцентирует ряд негативных черт в облике города: «Поосмотревшись в городе, я нашел, что он не вполне исполняет обещания и надежды, возбуждаемые первым... впечатлением, которое было очень разительно и приятно. В нем господствует какая-то ветхость, какая-то унылость — будто воспоминание о былых днях богатства и счастья. Новых зданий мало. Старинные угрюмы, расположены без порядка, и некоторые не окончены. Католическая церковь¹ стоит над Эльбою, и как бы давит тяжестью своею город» [Греч 1839. Ч. 2: 241]. В ветхости, угрюмости, неупорядоченности, противопоставленным привлекательности, довольству, порядку идиллии, Греч видит «эмблему судеб Саксонии» [Греч 1839. Ч. 2: 241–242].

В связи с критикой Греча немецкого пространства следует заметить, что Германия в гречевском тексте в значительной степени сентименталистская, но не предромантическая или романтическая. Ее легендарно-мифологическое прошлое не эстетизировано, как, например,

---

¹ Наряду с позитивной («великолепная») и ночной-онирической (с «фантастическими украшениями») репрезентациями, данная негативная характеристика католической церкви ситуативна, на наш взгляд, и не связана с лютеранством Греча. Пейзажное описание следует рассматривать в контексте осуждения автором исторического наследия саксонских королей, разрушивших, хотя и не в той мере, как французы, райскую идиллию. Напомним, что для Греча при описании пространства важна его связь с антропностью: если ему не нравятся люди, населяющие локус (франкфурты или дрезденские правители), то и сами места будут изображены негативно.

у Карамзина, но рационализировано и/или травестировано. Если в путевых письмах 1817 г. Греч еще достаточно подробно пересказывал обязательный «легендарium» рейнского текста, превращавшийся порой во вставные новеллы, то двадцать лет спустя писатель делает это словно нехотя и дополняет легендарное ироническим комментарием. Рассказывая об основании Карлсруэ, столице Баденского герцогства, в результате преследования монархом вепря, Греч замечает: «Жаль только, что вещей сон напал на Маркграфа не ближе к Рейну. Карлсруэ лежит на безводной равнине и от того много терпит» [Греч 1839. Ч. 2: 198]. Высмеивает автор и легенду о развалинах «замка Роденштейна, знаменитого в тамошних сказках и поверьях», о якобы обитающем в этом месте кузнеце, «который при начале всякой войны с необычайным треском и шумом летает по воздуху в замок Шнеллерт» [Греч 1839. Ч. 2: 205]. Здесь осмеянию подвергается также ученость немцев, излишне верящих печатному слову: по словам местного трактирщика, «причины этого явления неизвестны, но что оно в самом деле случилось, доказано актами» [Греч 1839. Ч. 2: 204], т. е. легендарное (устное предание) и рациональное (печатное слово) начала оксюморонно соединены и взаимно снижают друг друга. Пересказывая гейдельбергскую легенду о злом чародее, превратившем «озеро в плодородную землю», Греч рационализирует ее («Сказка сказкою, а вероятно, что эта низменная равнина некогда была дном озера...»), приводя сведения о составе местных почв [Греч 1839. Ч. 2: 204].

Квинтэссенцией рационально организованного немецкого пространства выступает описание столицы Карлсруэ вследствие регулярной застройки локуса: «Вы не можете себе вообразить города правильнее и оригинальнее Карлсруэ! Центр его состоит из герцогского дворца, от которого идут радиусы во все стороны. Одна половина круга, описанного вокруг центра, занята городом, в котором эти радиусы, пересеченные прямыми линиями, составляют улицы; другая половина состоит из сада, в котором расположены аллеи точно таким же образом» [Греч 1839. Ч. 2: 197]. Такая математическая правильность актуализирует овеществление жителей урбанистического пространства, уподобляя людей шахматным фигурам: «Жители указывают нам куда идти, не называя улиц; говорят: этот дом чрез три, чрез четыре квадрата отсюда. Точно шахматная доска, по которой движутся пешки и слоны» [Греч 1839. Ч. 2: 198].

При этом упорядочивание и целерациональность немецкой жизни еще не воспринимается автором как разрушение идиллии, но лишь как ее модернизация, избавление от пережитков прошлого, улучшение всех сфер жизни, что отличает гречевский травелог от создаваемых позднее текстов русской словесности о Германии. Греч продолжает славить «главную, коренную добродетель Немцев», обозначаемую писателем как «правова, *Rechtlichkeit*», т. е. беспрекословное повиновение закону: «Вы можете делать с Немцем что угодно: он всему повинуется, все переносит» [Греч 1839. Ч. 2: 233]. То, по поводу чего иронизируют, например, Достоевский или Салтыков-Щедрин, автору «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» представляется добродетелью и основой социального мира, идиллического порядка, пронизывающего все слои общества Германии, т. е. немецкие земли выступают как воплощение идеи просвещенной монархии: «Германские правительства... строгим наблюдением законов¹ и данных обещаний привязывают к себе своих подданных. Надобно видеть, как Прусаки, Австрийцы, Саксонцы, Виртембергцы любят своих Государей за их праводушие и честность» [Греч 1839. Ч. 2: 234].

В отличие от рациональности, наложение на идиллическое пространства филистерского элемента порождают в травелогe снижение идиллической образности. Так, Греч скрыто подсмеивается немцами-обывателями, которые воспринимают театр как семейное дело: «Театр в Германии не есть публичное торжище, *foiun*, как во Франции, где и актеры, и зрители действуют на позорище: здесь это тихое, как бы семейственное собрание, в котором (в некоторых городах) дамы пьют чай и вяжут чулки» [Греч 1839. Ч. 2: 202].

---

¹ Это актуализирует еще один вариант противопоставления францужескости и немецкости в тексте — оппозицию «законная Германия — незаконная Франция». Война против Наполеона подана автором как удовлетворение поправленного чувства справедливости немцев из-за беззакония императора: «Наполеон покорил всю Германию, разорил ее в конец налогами и поборами, сгубил сотни тысяч Немцев в войнах чуждых выгодам Германии. Немцы молчали. <...> Но он расстрелял одного книгопродавца без права и суда: это взволновало всю Германию <...> и скрепило всех разнородных Немцев твердым союзом против общего притеснителя» [Греч 1839. Ч. 2: 233–234].

В целом, ни гейдельбергские «толстые, степенные филистеры», ни экзотические «усатые и бородатые студенты» [Греч 1839. Ч. 2: 202] не возбуждают сильного интереса в нарраторе, видимо, из-за их местечковости, нарочитой провинциальности. Греч также отказывается посетить местную достопримечательность «здешнюю знаменитую бочку» для вина. Более того, этот эпизод явно травестирован: образ самой большой бочки Гейдельберга противопоставлен гипертрофированному¹ образу бочек из лондонской (т. е. столичной) пивоварни Трумана, «в которых можно б было поместить весь Гейдельбергский Университет с ректором и педелями» [Греч 1839. Ч. 2: 202]. Заодно через сближение со сферой глутонического снижается мотив учености «Германии туманной» с ее философами: «Те бочки еще наполнены были портером и элем, а эта пустая разве надутая трансцендентальною философиєю!» [Греч 1839. Ч. 2: 202].

Провинциальность филистерской Германии провоцируют еще один важный для описания немецкого пространства в русской литературе мотив — мотив немецкой скуки. В гречевском травелогe он на эксплицитном уровне актуализирован в описании Дармштадта. Этот город, с одной стороны, обладает признаками идиллии (красотой, чистотой, упорядоченностью), но с другой — в силу его филистерской природы назван тихим и скучным: «Дармштадт город красивый, опрятный, хорошо выстроенный, но малолюдный, тихий, скучный. Широкие улицы его поросли травой» [Греч 1839. Ч. 2: 206]. Мотивом скуки маркирован и нелюбимый автором Франкфурт: «...город скучен и не интересен; все торгует и промышленяет; изредка показываются на улицах кареты ди-

---

¹ Также то, что самая большая бочка Гейдельберга представлена как весьма скромная по размерам по сравнению с английскими бочками, может быть истолковано как проявление мотива миниатюризации в репрезентации Германии. Мотивы миниатюрности и игрушечности характерны в целом для изображения немецкого пространства в русской литературе. Впрочем, в анализируемом травелогe они выражены относительно слабо. Если не учитывать использование таких диминутивов, как «городок», «местечко», то миниатюризация актуализирована в сфере глутонического: «...подают... сахар на маленьких блюдечках, мелкими кусочками, как бы для забавы детям» [Греч 1839. Ч. 2: 198–199]. Сюда, вероятно, можно отнести также гречевскую ремарку в связи с описанием баденского парламента, что «...представительное правление везде есть только кукольная комедия...» [Греч 1839. Ч. 2: 201].

пломатические с застегнутыми до воротника фигурами, с пергаментными лицами» [Греч 1839. Ч. 2: 208–209].

Итак, нельзя сказать, что Германия изображена писателем исключительно в светлых тонах. Наряду с амбивалентно описанными Франкфуртом и Дрезденом, автор весьма негативно отзывается о Лейпциге, что, вероятно, вызвано его общей отрицательной установкой по отношению к средневековым чертам в немецком пространстве: «знаменитый Лейпциг» назван «городом неприятным», поскольку лишен характеристик «правильности» и «опрятности», которыми маркируются «иные города Германии» [Греч 1839. Ч. 2: 216]. Отрицаются мотивы удобства, веселья и света, связанные с идиллией: «Улицы тесные и худо мощенные. Дома старинные, темные и угрюмые» [Греч 1839. Ч. 2: 216–217]. Высмеивается¹ также «немецкая провинциальная нумизматика» как пережиток исторической раздробленности Германии: «Ныне же немецкие деньги приводят в отчаяние всякого путешественника. Во Франкфурте вы платите монетою, на которой изображено 20 крейцеров: вам сдают четыре, потому что эти 20 означают 24. В Берлине прислушайтесь к тому, на какие гроши вам предлагают товар: добрых грошей в талере 24, а серебряных 30» [Греч 1839. Ч. 2: 186].

Германия историческая в травелогe Греча представлена в основном весьма скупо и в фактографическом ключе, без детализации. Например, в рамках баденского пространства упоминаются «пирамида, в которой погребено тело Маркграфа Карла», основателя Карлсруэ [Греч 1839. Ч. 2: 197], а также «многие древние остатки» в окрестностях Вейнгейма: «толстые стены, развалины башен, полузасыпанные рвы» [Греч 1839. Ч. 2: 205]. В Бенсгейме упомянут «зеленый курган» с двумя

---

¹ Кроме того, в гречевском тексте критикуются: «грубое, неуважительное обращение с женщинами» немцев [Греч 1839. Ч. 2: 214]; их дурные литературные вкусы [Греч 1839. Ч. 2: 262]; неумение петь в опере [Греч 1839. Ч. 2: 274]; «недостаток водяного сообщения» в Карлсруэ [Греч 1839. Ч. 2: 198]; «несносные» «берлинские уличные мальчишки» [Греч 1839. Ч. 2: 225]; искусственность «народности берлинской» [Греч 1839. Ч. 2: 228]; глупость «представительных палат», в частности, саксонской, признавшей воробья хищной птицей [Греч 1839. Ч. 2: 249]; служба в католической дрезденской церкви, куда ходят протестанты «слушать даром концерт» [Греч 1839. Ч. 2: 239]; «дрезденские дамы, и не драматического сословия», которые «не славятся излишнею суровостью нравов» [Греч 1839. Ч. 2: 240]. В итоге, пожалуй, именно к Саксонии у Греча оказывается больше всего претензий.

деревьями, где «в древние времена Бургграфы Штаркенбургские творили суд и правду» [Греч 1839. Ч. 2: 205], а в местечке Лорш — «развалины знаменитого некогда княжеского аббатства, основанного в VIII веке» и сгоревшего в 1621 г. [Греч 1839. Ч. 2: 205–206]. Во Франкфурте Греч посещает «древнее здание Römer, в котором были избираемы и провозглашаемы Римские Императоры», причем отзываясь о нем не слишком позитивно: «Большая зала, кривая и косая, расписана очень неискусно. В нишах ее намалеваны буро-желтою краскою портреты Римских Императоров от Конрада I до Франца II» [Греч 1839. Ч. 2: 208]. Про Пильниц сообщается, что там «происходило в 1792 году свидание Императора Леопольда II с Королем Прусским Фридрихом Вильгельмом II и положено было вооруженною рукою восстановить порядок и спокойствие в революционной Франции» [Греч 1839. Ч. 2: 247]. Как видим, хотя писатель и посещает исторические места Германии, они не вызывают в нем сильных эмоциональных переживаний, встречаемых нами, например, в травелоге Карамзина. Даже эпоха наполеоновских войн, которая еще в письмах 1817 г. Гречем воспринималась весьма живо, двадцать лет спустя описана отстраненно.

Исключением из общего правила является пространство Саксонии, обозначенное «классической землей Военной истории» и «позорищем подвигов величайших полководцев XVII, XVIII и XIX века, Густава Адольфа, Фридриха и Наполеона», но и в данном случае все эти «зрелища великих, решительных событий воинских» [Греч 1839. Ч. 2: 277] не описываются подробно, что составляет существенное отличие гречевских писем 1837 г. от отечественных текстов 1810–1820-х гг. Более того, автор смягчает «военные», брутальные коннотации, акцентируя мирные, идиллические черты локуса, а также мотив славы как вечной памяти героям: «Теперь здесь тихо и мирно. Нет ни малейших следов войны. Тучные пажити, обильные пашни, свежие виноградники покрывает землю, упитанную кровию тысяч храбрых. <...> Солнце первыми своими лучами золотило вершины гор Саксонской Швейцарии. Тени почивших героев носились вокруг меня в дыхании утреннего ветра» [Греч 1839. Ч. 2: 279].

Соответственно, образы немецких земель, представленные в травелоге Греча и проанализированные в данной работе, территориально могут быть разделены на три основных варианта: первый — Северная Германия (Любек и Гамбург), второй — Западная Германия, район

Прирейнья (Баденское герцогство и Франкфурт-на-Майне), третий — Восточная Германия (Берлин и Саксония). При этом Любек, Гамбург, Франкфурт и Берлин, описанные в более ранних травелогах автора, изображены менее подробно в пространственном плане.

Следует также заметить, что немецкая пространственная образность в путевых письмах отличается относительной цельностью и связана преимущественно с репрезентацией сентименталистского мирообраза Германии в русской словесности, заложенного карамзинскими «Письмами русского путешественника». Отсюда проистекает повышенное внимание Греча к идиллическому началу в описаниях немецкого пространства, что роднит греческие письма 1835 и 1837 гг. Действительно, большинство локусов в греческом тексте могут быть определены как варианты идиллии с характерным мотивным рядом, куда входят мотивы упорядоченности, уюта, визуальной привлекательности, изобильности, витальности, чистоты, мирности, тишины, справедливости, довольства, светлости, закрытости, патриархальности, ахронности, миниатюрности, свойственные в целом для репрезентации Германии в отечественной словесности конца XVIII – первой половины XIX вв. Немецкой идиллией оказывается для Греча даже бывшее пространство войны — поля сражений.

Особое значение, на наш взгляд, имеет мотив сакральности, который спроецирован автором на все пространство «благословенной Германии» и не выражен значительно в предшествующих греческих травелогах. В сочетании с идиллическим элементом это порождает образность парадиса, райского сада на земле, что, в свою очередь, согласуется с сентименталистским дискурсом облагороженной природы. Соответственно, значительное внимание Гречем уделяется описанию немецких демиприродных локусов деревни, сада и вообще панорамным описаниям (в том числе описаниям городов), где антропо и природное начала объединены в общей картине. Пейзажи дикой природы вне антропо контекста практически не встречаются, поскольку они выпадают из поля зрения сентименталистского созерцателя. До некоторой степени исключением из этого правила является в греческом тексте репрезентация Таранда, малоизвестного за пределами Германии курорта. Данный горно-лесной локус, на который проецируется образ скита отшельника, маркирован мотивом сакральности в наивысшей степени и связан с пространством неба, нечасто описываемым Гречем.

Более того, помимо христианской сакральности, в репрезентации Таранда, пусть и в сглаженном виде, присутствует образность языческая (Тор, «богиня здравия»). Данное место маркировано большей степенью «естественности», дикости, по сравнению с иными немецкими локусами, но в целом описание данного пространство укладывается в рамки сентименталистского дискурса.

Еще одной особенностью репрезентации Германии в рассматриваемом тексте Греча по сравнению с другими его травелогами является, на наш взгляд, повышенный положительный эмоциональный фон повествования. Если «типажная» немецкая идиллия вызывает у нарратора чувства умеренного умиления, тихой радости созерцания, то сакральный локус — восхищения, благоговения. Подобные «эмоциональные скачки» не характерны в целом для «германского» фрагмента травелога, а если и встречаются, то связаны зачастую с негативными экзистенциальными переживаниями — уныния, тоски, ощущения своего одиночества и смертности, когда автор ощущает свою чуждость в пространстве Германии.

Сакральность и патриархальность немецких земель не в последнюю очередь объясняется Гречем монархическим государственным устройством большинства из них. При этом в травелоге нередко актуализируется противопоставление Германии Франции. Если первая изображена раем на земле, то вторая — раем оскверненным, землей беззакония, опасности, бунта и греха. В «саксонском» фрагменте в роли антипода сакрального немецкого пространства выступает также Польша. В образе антиидиллии соединены путем отрицания как аркадские мотивы, связанные с руссоистским идеалом естественности, так и христианская образность потерянного рая. Помимо Франции и Польши, таким оскверненным раем изображается амбивалентный Дрезден, в образе которого смешаны позитивные и негативные черты. В последнем случае виновниками осквернения выступают саксонские монархи, связавшиеся с французами и поляками как противоположностью добропорядочных и законопослушных немцев. Негативна и репрезентация саксонского Лейпцига, маркированная мотивами темноты, неудобства, узости, угрюмости. К пространству антиидиллии также может быть отнесено описание Франкфурта, который «оскверняют» неблизкие для автора по духу люди (торговцы, банкиры, дипломаты). Встречается и иная критика Германии, но она направлена в основном

не на пространство, а на недостатки поведения и привычки немецкой нации или отдельных социальных групп внутри нее. Антиидилличны в этом смысле для Греча все сторонники народоправства, парламентаризма и революции, противопоставленные образам просвещенных и в то же время патриархальных немецких монархов и их верноподданных как воплощения порядка. Соответственно, в большей степени в «германском» фрагменте «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» выражена бинарная природа нарратива и описываемого пространства, по сравнению, например, с письмами 1835 г., хотя и там присутствовали образы бунтарей внешних (французы) и внутренних, они не влияли существенно на пространственную репрезентацию Германии.

Роднит гречевские путевые письма 1835 и 1837 гг. также характеристика рациональности немецкого мироустройства, которая, однако, еще не приходит в акцентированное противоречие с идилличностью пространства, связанной прежде всего с началом *emotio*, т. е. в обоих текстах мы имеем дело с рационализированной идиллией, причем отметим, что в письмах 1837 г. эта рациональность выражена, пожалуй, не столь ярко, хотя и в большей степени, чем в «немецком» фрагменте гречевского травелога 1817 г. Германия филистерская составляет «периферийный» слой в обоих текстах 30-х гг. и малорелевантна, с чем связана меньшая доля в них травестийного мирообраза по сравнению с ранним произведением Греча о Германии.

При этом, несмотря на сильное влияние сентиментализма, ощущаемое в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», мы встречаем здесь элементы и нейтрального, фактографического мирообраза Германии в описаниях отдельных архитектурных объектов, а также немецкого исторического хронотопа, в репрезентации которого отсутствует тот эмоциональный, лично-окрашенный «заряд», которым отличаются тексты конца XVIII – начала XIX вв. Это, вероятно, обусловлено комплексом факторов: угасанием сентименталистской традиции, мировоззрением и особенностями стиля автора, который подчеркивает в своих травелогах, что не является поэтом. Возможным объяснением также является известная исчерпанность темы пространственной репрезентации Германии, знаковые локусы которой к моменту создания анализируемого текста были неоднократно описаны, т. е. освоены русской культурой, и не вызывали прежнего эмоционально-

го отклика от эффекта чужести. В целом сочетание рациональности и идилличности в пространственных образах немецких земель является достаточно устойчивым для травелогов Греча, причем выраженность первого элемента со временем возрастает вплоть до текста 1847 г., где нейтрально-фактографический в пространственной образности становится доминирующим, т. е. можно засвидетельствовать постепенное смещение баланса между *ratio* и *emotio* в пользу первого начала при репрезентации Германии.

Список литературы

Источники

Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции: в 3 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. 254 с.

Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции: в 3 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 2. 288 с.

Греч Н. И. Соч. Николая Греча: в 5 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1838. Ч. 4. 374 с.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 717 с.

Исследования

Аксенова М. В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3. С. 7–21.

Аксенова М. В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча (1839) в социокультурном пространстве // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 142–150.

Аксенова М. В. Язык как доминанта национальной идентичности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча // Русско-зарубежные литературные связи: коллективная монография. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2021. С. 225–230.

Аксенова М. В., Чарчоглян Т. Г., Садиева А. Н. Особенности хронотопа в травелогe (на примере «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча) // *Juvenis scientia*. 2019. № 2. С. 15–17. <https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.02.04>

Батшев М. В. Русские путешественники в Германии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: необходимые формальности и особенности поездки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 15–32. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2020-1-15-32>

Жданов С. С. Идиллия, история, рациональность: образы городов в «Действительной поездке в Германию в 1835 году» Н.И. Греча // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 1. С. 8–28. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-1>.

Жданов С. С. «По избитой дороге европейских туристов»: репрезентация пространства Германии в «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии,

Голландии и Бельгии» Н. И. Греча // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 42–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-42-63>

Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.

Ильченко Н. М., Аксенова М. В. Образ Германии в путевых письмах Н.И. Греча // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Нижний Новгород: НГЛУ, 2016. С. 112–116.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с.

Морозова Н. Г. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9–17.

References

Aksenova, M. V. “‘Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii’ N. I. Grecha v kontekste russkoi literaturny puteshestvii XIX veka” [“Travel Letters from England, Germany and France” by N. I. Gretsck in the Context of Russian Travel Literature of the 19th Century]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*, no. 3, 2020, pp. 7–21. (In Russ.)

Aksenova, M. V. “‘Putevye pisma iz Anglii, Germanii i Francii’ N. I. Grecha (1839) v sotsiokulturnom prostranstve” [“Travel Letters from England, Germany and France” by N. I. Gretsck (1839) in Sociocultural Space]. *Vestnik NGLU im. N.A. Dobroliubova*, no. 38, 2017, pp. 142–150. (In Russ.)

Aksenova, M. V. “Iazyk kak dominanta natsional'noy identichnosti v ‘Putevykh pismakh iz Anglii, Germanii i Frantsii’ N. I. Grecha” [“Language as the Keynote of National Identity in ‘Travel Letters from England, Germany and France’ by N. I. Gretsck”]. *Russko-zarubezhnye literaturnye svyazi: kollektivnaia monografiia* [Russian-Foreign Literature Relations: Collective Monograph]. Nizhny Novgorod, Gladkova O.V. Publ., 2021, pp. 225–230. (In Russ.)

Aksenova, M. V., G. G. Charchoglian, and A. N. Sadieva. “Osobennosti khronotopa v travelogue (na primere ‘Putevykh pisem iz Anglii, Germanii i Frantsii’ N. I. Grecha)” [“Features of Chronotope in Travelogue (Based on ‘Travel Letters from England, Germany and France’ by N. I. Gretsck)”]. *Juvenis scientia*, no. 2, 2019, pp. 15–17. <https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.02.04> (In Russ.).

Batshev, M. V. “Russkie puteshestvenniki v Germanii poslednei chetverti XVIII – pervoi poloviny XIX vv.: neobkhodimye formal'nosti i osobennosti poezdki” [“Russian Travelers in Germany of the Last Quarter of the 18th – the First Half of the 19th Centuries: Necessary Formalities and Features of Travels”]. *Locus: liudi, obshchestvo, kultura, smysl*, no. 1, 2020, pp. 15–32. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2020-1-15-32> (In Russ.)

Zhdanov, S. S. “Idilliia, istoriia, ratsionalnost': obrazy gorodov v ‘Deistvitel'noi poezdke v Germaniiu v 1835 godu’ N. I. Grecha” [“Idyll, History, Rationality: City Images in ‘Real Journey to Germany in 1835’ by N. I. Gretsck”]. *Slovo.ru: baltic accent*, vol. 14, no. 1, 2023, pp. 8–28. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-1> (In Russ.).

Zhdanov, S. S. “‘Po izbitoi doroge evropeyskikh turistov’: reprezentatsiia prostranstva Germanii v ‘Parizhskikh pis'makh s zametkami o Danii, Germanii, Gollandii i Belgii’ N. I. Grecha” [“On the Beaten Path of Russian Tourists’: Representation of the Germany Space in ‘Parisian Letters with Notes about Denmark, Germany, Holland and Belgium’ by N. I. Gretsck”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 42–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-42-63> (In Russ.)

Zhukovskaia, A. V., N. N. Mazur, and A. M. Peskov. “Nemetskie tipazhi russkoi belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.)” [“German Character Types in the Russian Fiction (Late 1820s – Early 1840s)”]. *Novoe lireraturnoe obozrenie*, no. 34, 1998, pp. 37–54. (In Russ.)

Ilichenko, N. M., and M. V. Aksenova. “Obraz Germanii v putevykh pis'makh N. I. Grecha” [“The Image of Germany in the Travel Letters by N. I. Gretsck”]. *Iazyk, kultura, mental'nost': Germaniia i Frantsiia v evropeiskom iazykovom prostranstve* [Language, Culture, Mentality: Germany and France in the European Language Space].

Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod Publ., 2016, pp. 112–116. (In Russ.)

Le Goff, Jacques. *Srednevekovi mir voobrazhaemogo [L'Imaginaire Medieval]*, trans. from French. Moscow, Progress Publ., 2001, 440 p. (In Russ.)

Morozova, N. G. “Grani vospriiatiia Germanii v kontekste russkoi literatury ‘puteshestvii.’” [“Aspects of Germany Representation in the Context of Russian ‘Travel’ Literature”]. *Philologiya i chelovek*, no. 2, 2008, pp. 9–17. (In Russ.)